Отвратительно то утро, когда ты резко выныриваешь из состояния сна и втыкаешь в потолок. Ещё и шторы чуть колыхались на весеннем ветерке, из-за чего утренний свет проникал в комнату и психологически давил на меня, как бы намекая: «Привет, сегодня очередное двадцать девятое апреля. Ты готова?»

На улице проехала машина, чуть шелестя по щебню. И снова стало тихо, только мама гремела посудой на кухне.

Я устало потёрла глаза пальцами, массируя веки. На меня навалилась вся тяжесть бытия. Голову словно сжало в тисках, отдаваясь стуком в висках. Я чувствовала свой живот, вздувшийся от нервозности. Меня мутило. Икота подступила к горлу.

Посуда на кухне перестала греметь. Я зажала рот руками, вслушиваясь в мамины шаги на первом этаже. Заскрипели половицы на лестнице под её весом. Ну и как мне себя вести при ней? Шаги были уже совсем рядом с дверью. Я не нашла ничего лучше, как закрыть глаза и притвориться спящей.

Я впервые была не рада приходу мамы.

Мама отворила дверь в мою комнату и вошла. Тапочки шаркали при движении. Мама раздвинула шторы, и все перед закрытыми глазами стало красно-жёлтым, мерцающим. Я поморщилась. Можно уже не делать вид, что я сплю.

— Цу-чан, вставай! — мама коснулась рукой моего плеча и встряхнула.

Я распахнула глаза и прищурилась от яркого света, больно бьющего по глазам. Больнее, наверное, бывает только зимой, когда всё в снегу.

Передо мной было лицо любимой мамы, но мне впервые хотелось осыпать её проклятиями.

— Доброе утро, — улыбнулась мне она. — Умывайся и спускайся вниз. Завтрак на столе.

— Хорошо, — кивнула я.

Мама задержала на мне взгляд и покачала головой, после чего повернулась спиной и зашагала к двери. Я молча проводила её взглядом. Дверь закрылась, и заскрипели половицы на лестнице. Я так и продолжила лежать в кровати, глядя в одну точку — на дверь.

Мне ничего не хотелось. Внутри было пусто. Меня вымотало происходящее. Высушило без остатка. Удивительно, но слёз не было, только привкус отчаяния на кончике языка чувствовался особенно отчётливо.

Серьёзно, почему я? Почему этот день повторяется?

Вздохнув, я свесила ноги с кровати и нехотя встала. Ноги были чуть ватными, я шла до ванной на автопилоте.

Из зеркала на меня смотрела Савада Цунаёши, осунувшаяся, как никогда. Такой мрачноты я у себя никогда не видела даже после церемонии поступления. Было такое впечатление, что инопланетянам стало скучно и они начали рисовать круги под моими глазами — до того мешки были огроменными и синими.

— Цуна, ещё немного, и ты захочешь шваркнуть вены, — совсем невесело усмехнулась я, глядя в глаза своему отражению.

Почему всё повторяется? Почему, почему, почему? Да почему я, а не кто-то другой?!

Я только включила воду, собираясь ополоснуть лицо, как нестерпимая боль в висках выбила воздух у меня из лёгких. Мне стало нечем дышать. Хватаясь за горло, за раковину и всё, что мне попадалось под руку, я хрипела. Журчание воды сводило с ума.

Боль прекратилась также внезапно, как и появилась, вот только… Вот только…

Меня скрутило в рвотном позыве, и я побежала к унитазу. Меня тошнило слизью и слюной. Желудок сводило в судорогах. Всё внутри горело огнём. Слёзы текли по щекам. Глаза драло и щипало.

Отпустило меня не сразу. Свыкаясь с мелькающими передо мной образами, я с трудом разогнулась. Вернувшись к раковине, я открыла холодную воду и начала жадно пить прямо из-под крана — до того привкус желчи был отвратен.

Капилляры в глазах полопались, зрачки были бешено расширены. Лицо опухло и раскраснелось. Такой красоты внеземной мне ещё не удавалось увидеть. Настолько паршиво я никогда ещё не выглядела.

Внутри была словно чёрная дыра, сжигающая меня, пожирающая. Ненасытная. Своевольная.

Вот так я обычно и вспоминаю, что я — самоубийца, да? Но чего ж откат сегодня такой ранний? В новом цикле всего несколько дней прошло.

Запустив руку в волосы, зачёсывая их назад, я смотрела в пустоту внутри себя.

— Цу-чан, ты в порядке? — донеслось из-за двери.

Тряхнув головой, я выключила воду и вышла из ванной. Мама выглядела испуганной, а я просто смотрела на неё.

— Тебе плохо? Отравилась?

Я промолчала, вместо этого продолжая испепелять маму взглядом.

— Боже! Неужели… Цу-чан, только не говори, что ты беременна?!

Сколько раз был уже такой разговор? Сколько десятков лет эта женщина — моя мать? А что я знаю об этой женщине кроме того, что она родила меня, что она очень добрая и заботливая?

Да н-и-ч-е-г-о. Ничего, абсолютно.

— Нет, я не беременна, — я прошла мимо неё и вернулась к себе в комнату. — И да, похоже, я отравилась.

Беременной я ни разу не была, сколько себя помню. Определённую черту в отношениях с Такеши мы так и не перешли, а жаль.

— Цу-чан?.. — прилетело мне вслед, но я захлопнула дверь перед лицом мамы со словами:

— Я не буду кушать. Сейчас оденусь и пойду в школу, а там в медпункт зайду.

Жестоко? Да. Но кто пособолезнует мне?

Школьная форма привычно висела на вешалке.

В ворохе одежды на стуле я выхватила первое попавшееся бельё и надела его, не заморачиваясь. Всё равно уже всё одевалось. Какая разница?

Школьная форма сидела на мне идеально. Я провела рукой от бока до середины бедра, смахивая мелкие пылинки. Идеально выглаженная юбка, складка к складке, блузка идеально выглажена. Всё идеально.

Взяв со стола массажную расчёску, я прошлась ей по волосам, расчёсывая свалявшиеся за ночь колтуны. Длинные волосы струились по плечам и доходили до ягодиц. Мама заботилась о моих волосах с самого детства. Их почти не стригли, так, ровняли кончики и делали чёлку. Может, сделать каре или боб?

Закончив причёсываться, я побросала нужные тетради в сумку и покинула комнату. Спуск по

лестнице стал слишком привычен. Пятая снизу ступенька знакомо заскрипела.

— Цу-чан?.. — взмолилась мама, встречая меня у лестницы. Она прижимала руки к груди; было ощущение такое, что сейчас расплачется.

Игнорируя маму, я молча прошла в прихожую и без всяких проблем нашла свои школьные туфли на полке, надев их с помощью обувной ложки.

— Цу-чан, поговори со мной! — Последнее, что я услышала, захлопнув за собой входную дверь.

Знаю, я отвратительна. Но день повторится снова, а я всегда, всегда, всегда должна хорошо реагировать на эту угнетающую мамину доброту? Так нечестно.

Я бежала вперёд.

Школа? Занятия? Есть ли в этом смысл?

Но ноги несли меня к школе, правда, на этот раз я решила попасть на территорию не с главных ворот, а перебравшись через забор. Один клён очень близко рос с одной стороны, чем я решила и воспользоваться. Перебросив сумку во двор, я взобралась по дереву и так и осталась сидеть на вершине, глядя перед собой.

Сколько раз я просила Хаято помочь, но стоило только начать про день сурка, как в него демон вселялся? Сколько раз на следующем повторе Такеши мне мило улыбался и нежно приобнимал за талию? Сколько раз это чёртово двадцать девятое апреля ещё должно повториться?

— Чего ты от меня хочешь? — в пустоту спросила я, и, как и ожидалось, ответа не последовало.

Только в глупых фильмах и книгах герой или героиня находят выход из петли достаточно быстро. В жизни всё не так. Ничто не идёт так, как тебе захочется. Можно научиться лазать по деревьям, обрести уверенность в себе…

Но зачем это всё? Уже не в первый раз я задумываюсь… За что? Что я не так сделала? Может, в прошлой жизни Холокост из-за меня был? Или я убила кого-то? Почему всё так происходит?

Я спрыгнула с забора вниз и чуть неловко приземлилась на ноги. Чуть дало в стопы, но это боль мирская. Быстро пройдёт. Подобрав с земли сумку, я отряхнула её, да и побрела со стороны спортивных клубов к школе. Не хочу сегодня пересекаться ни с кем, я просто к этому не готова. Даже видеть Такеши. Он ни в чём не виноват, просто…

Просто я устала.

Поглядывая в сторону школьных ворот, где уже отсвечивал Дисциплинарный комитет и Кёя, я юркнула в школу. В холле было тихо. Хаято тоже не наблюдалось. Ну, хоть сегодня не услышу его стоящую в печёнках фразу, хоть на этом спасибо.

Я переобулась в школьные увабаки, поправляя белые задники. Лишь немногие из учеников начали подходить — наверняка это старосты и дежурные по классу. Кстати о дежурных. Сегодня дежурят Кёко и Юрине. Можно и заглянуть в класс до урока, забрать из стола ту книжку… До сих пор дочитать не могу, забываю о ней.

Я начала неспешно подниматься по лестнице, ступенька за ступенькой. Сколько же раз я поднималась и спускалась по ней?

Остановившись перед нашим классом 1-2, я заглянула в помещение, но там не было Такеши и кого-то лишнего. На Кёко мне плевать. Она, к слову, стояла возле своей парты и читала какую-то записку, наверняка любовную. Это же Сасагава Кёко, идеал девушки!

Если честно, ненависти я к ней не испытываю, и никогда не испытаю. Но такой, как она, мне никогда не стать, и это огорчает.

— Можно пройти? — окликнула я Кёко, перегородившую проход между рядами парт.

— Да, конечно… — едва начав перемещаться в сторону, Кёко уставилась на меня, как на какое-то чудовище. Её глаза до того округлились, что я даже за неё побеспокоилась:

— Ты как? В норме?

Но стоило мне заговорить, как Кёко, вздрогнув, рванула с места и побежала прочь из класса. Словив парочку непонятливых взглядов, я повела плечом и подошла к своей парте, забирая книгу. Закладка была на том же месте, где и была. Я смутно помнила, что там вообще происходило, так что придётся читать с самого начала. Ничего, у меня весь день впереди.

Я покинула класс без особых сожалений. Мне было безразлично, что происходит вокруг. Кто что говорит. Что думает. Делает. Мне на всех плевать.

Поднявшись на крышу, я решила устроить себе уединение. Достав из кармана сумки шпильку, поковырялась ею в замке и закрыла его со своей стороны. Я и такое научилась делать.

Заняв скамейку под тенью цветочного куста, я раскрыла книжку на прологе, отложив закладку в сторону.

У меня весь день впереди.

Несколько раз кто-то пытался дёрнуться на крышу, но, не добившись успеха, ушёл восвояси. Я же насмешливо спикировала взглядом на оставленную в замке шпильку. Так просто даже с ключом не откроешь. Только если дверь с петель снимать — она металлическая.

Страницы шелестели на ветру, и когда я касалась их пальцами. Волосы попадали в лицо, их приходилось каждый раз убирать за ухо и закидывать за спину.

Время тянулось медленно. От звонка к звонку. От порыва ветра к порыву. От книжного слова к слову.

Когда я закончила читать, то времени было всего-то 15:47.

Поднявшись со скамейки, игнорируя очередной звонок от мамы, я положила на сидение книгу. Это была действительно хорошая история. Увлекательный сюжет, интересные персонажи. При обычных обстоятельствах мне бы безумно понравился счастливый конец. Но…

Шаги до сетки-ограждения дались мне удивительно легко.

Этот день всё будет и будет повторяться. Повторяться. Повторяться и повторяться…

Мне было страшно. Страх сковал меня, приковал к месту.

Такая жизнь в повторяющемся дне ничем не отличается от смерти.

Очень страшно забыть смысл своего существования, затерявшегося в лабиринте повторов двадцать девятого апреля.

Касаясь пальцами сетки ограждения, я запрокинула голову к лазурно-яркому весеннему небу. Когда же именно Савада Цунаёши сошла с ума? Когда я утратила всякий смысл? Когда я стала этой пустой оболочкой, каждый раз откатывающей происходящее до первых дней дня сурка?

Когда?

Волосы и края юбки теребит ветер. На крыше много ветра. Вся крыша словно из ветра. Мой рассудок пал в этом бою уже давно. Я ничего не хочу, я ничего не жду. Я ничего не делаю, я не пытаюсь.

Это жалкое создание — я.

Глядя в эту небесную лазурь, в этот бескрайний мир воздушного пространства, мне вновь думается, что я — ничто. Пустышка. У меня ничего нет. Хотя нет, у меня всё ещё есть страх.

А ещё я — жалкая суицидница, и потому, когда я вспоминаю все прошлые «двадцать девятое апреля», что-то в мозгу щёлкает, и я схожу с ума в одночасье. У меня нет врагов, у меня нет друзей. Да и откуда они возьмутся, когда враг — целый мир?

Хоть малая искорка надежды. Пусть она будет тусклее, чем самый тусклый фонарик. Немножечко надежды, совсем чуть-чуть.

Но бескрайнее лазурное небо неизменно напирает на меня, вдавливая мои плечи вниз. Ноги предательски дрожат. Губы закусаны до крови.

Я — пустышка.

У меня было множество попыток, чтобы попытаться закончить этот день сурка, но все они оказались провальны. Тяжело быть интровертом, который трудно сходится с людьми. Тут все чужие. А Такеши, он…

Небо прижимало меня к полу. Сила гравитации — это вам не шутки. Вон, как давит. Старается. Небо — оно такое. Да.

Я почти что видела улыбку чеширского кота на небесной голубизне.

Прыгать не хочется, но нужно. Так говорит небо, а я не могу ему перечить.

Я не хочу умирать, это так больно. Но небо считает иначе.

Страдать не хочется, но…

Улыбка чеширского кота изогнулась в упрёке, и я послушно перелезла через ограждение.

Рывок. Полёт. Боль.

И улыбка чеширского кота на лазурном небосводе.

Небо напоследок улыбается, и наступает блаженная чернота. Небо мне больше не улыбается.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

http://tl.rulate.ru/book/47222/1128331